

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ ЗНАНИЯ

Вопрос об истине и ее критерии является основным вопросом теории познания. Поэтому на протяжении всей истории философии вокруг него велись острые споры и дискуссии. Материализм всегда признавал верным классическое определение истины, данное еще Аристотелем, который считал истинным соответствие мысли объекту.

За последние полтора десятка лет в нашей стране создается новая духовная атмосфера. Под лозунгом «Одурь материализма проходит» — этой идеологической доминанты постсоветского времени — процветают астрологи, духовные целители, маги — волшебники. В газетах публикуются астропрогнозы на каждый день и на предстоящую неделю, даются объявления о гастролерах — экстрасенсах и магах-целителях. Они гарантируют излечение от порчи, венца безбрачия, сглаза и других напастей.

Под лозунгом «Одурь материализма проходит» делаются попытки пересмотра и традиционного понятия истины и ее критерия. Обосновывается это необходимостью борьбы с догматизмом, с прошлым наследием, за плюрализм и многообразие разных точек зрения. Делается это часто открыто — раз рухнул общественный строй, базировавшийся на марксизме-ленинизме, — значит вся его мировоззренческая основа, общественная идеология должна быть отброшена. Иногда это делается завуалированно, без революционных лозунгов, под предлогом необходимости внесения изменений в теорию познания, ее развития.

К таким попыткам обновить понятие истины и изменить ее критерий относятся представления В. П. Лукьянина (1). Он пытается дать новое истолкование истины, выступая против своих идейных учителей — уральских философов М. Н. Руткевича и И. Я. Лойфмана (2). Причем он открыто не выступает против материалистического понятия истины, но так «подправляет» его, что оно полностью выхолащивается и теряет определенность. В. П. Лукьянин заявляет, что путь к истине «сегодня, в силу многих изменившихся обстоятельств, не столь ясен, как прежде, и с этим нужно считаться. Дело... в том, что привычный со времен «диамата» — такой, казалось бы простой и бесспорный — критерий соотношения теоретического знания с реальным бытием сегодня применить на деле порой оказывается затруднительным, если только не невоз-

можным» (1, с. 28). «Критерий практики хорошо «работает» лишь в относительно узких границах экспериментальной науки, а по мере восхождения мысли ученого от экспериментальных основ к области отвлеченных теоретических построений применение этого критерия становится все более затруднительным» (1, с. 28-29). Поскольку мир бесконечен, а познание и практика имеют дело с конечными объектами, то практика как критерий истины «не более чем мировоззренческий постулат — в принципе недоказуемый, как и другие мировоззренческие постулаты: о естественной или божественной первооснове бытия, о единстве и познаваемости мира» (1, с. 29). На практику как критерий истины, считает В. П. Лукьянин, надеяться бесполезно, хотя это «соответствует здравому смыслу и имеет достаточно глубокие историко-философские корни», а нужно «искать подтверждение истины в сфере духа» (1, с. 30). Он вынужден признать, что это приводит его к субъективному идеализму, но «в условиях плюрализма и ничем неограниченного свободомыслия» (1, с. 30) это считается вполне допустимым. Такая трактовка истины ведет к ее отрицанию, точнее к отрицанию объективной истины. Но такого вывода В. П. Лукьянин не делает, понимая что это ведет к агностицизму, справедливо рассматривая последний «не более как игру изощенного ума» (1, с. 31).

Доводов против существования объективной истины В. П. Лукьянин не приводит. Что касается «отвлеченных теоретических представлений», в которых критерий практики не работает, то можно заметить, что теоретическая физика и математика — а это весьма общие и абстрактные науки — признают этот критерий истины. Если «изменившимися обстоятельствами» считать распространение плюрализма, то ссылка на него не освобождает от необходимости аргументации новой позиции.

Все внимание автора нового понимания истины сосредотачивается на том, что в настоящее время путь к истине очень трудный, во многом стихийный и не всегда объяснимый. Большую роль в нем играют эмоции, воображение, чувство красоты. Абсолютным ориентиром для сознания, устремленного к истине, является, по его мнению, мировой порядок, точнее «особое состояние души, как бы настроенной на этот порядок» (1, с. 32). Но духовный мир каждого индивида весьма специфичен. Поэтому делается неожиданный в своей простоте вывод: *истинно то, что нам таковым кажется!* Сразу уточню: истинно не «вообще», а только для нас, то есть в контексте нашей «отдельно взятой души» (1, с. 33). Другими словами, объективной истины нет, и истин столько, сколько индивидов с «особым состоянием души». Но отрицание объективной

истины ведет к релятивизму и к тому самому агностицизму, от которого этот автор отказывается несколько ранее. Как этого не заметил В. П. Лукьянин, трудно сказать. Продолжая эту линию идеализма, он полагает, что «наше согласие или несогласие с тем или иным утверждением зависит не столько от доводов рассудка или разума, сколько от некоей интеллектуальной инерции» (1, с. 33). Но в этом случае речь идет не об истине, а о ее принятии отдельными людьми. Многие люди не могут или не хотят соглашаться с новыми положениями, но в конечном счете наука и философия основываются на доводах разума, на достоверном, подтвержденном знании. В мифах легче жить, но это путь тупиковый, и человеку это дорого обходится. Новые положения, если они истинны, всегда рано или поздно побеждают, преодолевают инерцию мышления — без этого нет развития знания. И история науки и философии полна борьбы, порой драматической и даже трагической, различных учений, гипотез и теорий.

Новое знание рождается действительно в умах отдельных исследователей, процесс этот во многом стихийный, но в нем нет ничего мистического. Выдвижение новых идей, создание научных теорий, приводящих к научным революциям, обычно связывают с деятельностью гениев, с озарением и интуицией. В то же время из истории науки известно, что многие открытия делались независимо друг от друга несколькими учеными практически в одно время.

Н. И. Лобачевский, Ф. Гаусс, Я. Больяи практически одновременно пришли к одним и тем же фундаментальным результатам, создав неевклидову геометрию. В 1900 году Э. Чермак, К. Корренс и Г. де Фриз независимо друг от друга переоткрыли менделевскую генетику. Эти и подобные факты говорят об исторической обусловленности фундаментальных открытий. Последние возникают в результате решения фундаментальных проблем, порожденных всем развитием культуры, а отнюдь не появлением людей с «особым состоянием души».

Истина всегда субъективна, продолжает В. П. Лукьянин, «она вот где — в контексте индивидуальной жизни, в глубинах души отдельно взятого человека! Как бы классики ни твердили об объективности, мы не можем перепрыгнуть через самих себя, через свой житейский и духовный опыт. Нам *субъективно* представляется истинным лишь то, что соответствует не «самому по себе» мировому порядку (ибо все-таки каков он «сам по себе», мы не знаем), а *нашему пониманию* (и, что не менее важно, *нашему ощущению*, основанному на эмпирическом опыте) мирового порядка» (1, с.

34-35). Если истина не признается людьми, то в ней, мол, нет толка. «А без такого признания что толку в истине?» — спрашивает В. П. Лукьянин. Здесь вопрос об истине подменяется вопросом о ее признании. И трудности ее признания, ее внушения заставляют автора статьи отказаться от всеобщности и объективности истины и довольствоваться относительными, субъективными истинами, находящимися «в зависимости нашего душевного багажа и строя» (1, с. 35). Поскольку последние очень изменчивы, то получается, что человек в течение всей жизни, в течение года и даже дня может признавать или истинными или ложными одни и те же представления. В. П. Лукьянин прав, когда заявляет, что «внушить истину» порой весьма сложно, для этого необходимо переубедить предубежденных, привести к согласию несогласных, надо найти отклик в их душах. Но это говорит не об отсутствии истины, а о трудностях ее достижения и утверждения в научном сообществе. Об этом хорошо сказал еще М. Планк в «Научной автобиографии», отмечая, что новая истина побеждает не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней (3).

Субъективизм не может объяснить, почему почти все научное сообщество в определенную эпоху придерживается единой картины мира, единого мировоззрения, несмотря на индивидуальный «душевный багаж и строй» ученых. А это единство основано на современном уровне науки и техники, обусловленном практикой.

Истине трудно победить какое-либо традиционное положение, общественный миф, развеять принятые положения. Взять, например, миф о природной «широте души» и доброте народа, его законопослушности. Сейчас официально регистрируется около 3 млн. преступлений в год, неофициально их, по мнению генерального прокурора В. Устинова, 9 млн., т. е. 17 преступлений каждую минуту. Страна занимает первое место в мире по числу убийств на 100 тысяч населения, в каждой четвертой семье творится насилие над женой или детьми. Но вся печать говорит о народной доброте и милосердии. Это положение более приемлемо, более оптимистично, более патриотично — истинно, по взглядам В. П. Лукьянина. Но оно не является истиной, не позволяет видеть реальное положение и принять меры по борьбе с преступностью.

В. П. Лукьянин полагает, что новая мысль «встраивается» в духовный внутренний мир индивида «под контролем и при участии особого духовного «инструмента», который играет исключительно важную роль в человеческой жизни... Этот «инструмент»

можно охарактеризовать как чувство мирового порядка... Называется он «статус-ритмом» (1, с. 36).

Статус-ритм — свойство души, сугубо индивидуальное и столь же неповторимое, как дикталоскопическое рисунк. Пока он формируется, душа человека открыта настежь, но с течением жизни остывает уже настолько, что пожилой человек едва ли не на всякую новацию реагирует болезненно. Поэтому «внушить истину» таким людям с помощью логически-понятийного механизма можно только в последнюю очередь. Здесь могут помочь два фактора — чувство красоты, которое опять чисто субъективно (Толстой не воспринимал Шекспира, Шостакович — Чайковского) и апелляция к житейскому опыту или достижениям научной мысли. После того, как новая мысль соотнесена с житейским опытом и авторитетными мнениями, наступает этап ее теоретического осмысления и обоснования.

В этой последовательности процесса познания, предлагаемой В. П. Лукьяниным, видна противоречивость его взглядов. Он волевым образом признает, что истина есть, что она достижима, она внушаема — может победить в столкновении идей и учений. Ведь соотносится с опытом и историей науки не «настрой души», а те или иные положения, которые доказаны, подтверждены практикой полностью или частично. А история науки показывает, что многие ее положения пересматриваются, от многих из них наука отказывается, но всегда на основе новых данных опыта, практики. Так, естествознание отказалось от теорий теплорода и флогистона не под влиянием статус-ритма, а под влиянием новых данных химии, в частности открытия кислорода, достижений практики. Больше того, именно развитие практики, получение новых эмпирических данных, научных фактов приводят к изменению взглядов, мнений, представлений, того индивидуального настроя ума и души, который В. П. Лукьянин называет статус-ритмом. Последний не является первичным, а сам обусловлен данными науки, которые усвоил исследователь.

На самом деле, пользуясь современной модернистской эпохой, идейным разбродом под маской развития теории истины нам преподносятся опровергнутые ранее положения субъективного идеализма. На словах В. П. Лукьянин выступает против обскурантизма магов и целителей, но предлагаемый им критерий лишает истину объективности, делает ее работой индивидуального мнения, которое нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. С таким критерием вполне согласятся все критикуемые им сторонники эзотерических учений, волшебники и целители, все сторонники лженауки.

Поэтому представления об истине и ее критерии этого автора, по нашему мнению, не являются развитием теории истины, а скорее одним из вариантов субъективистского ее толкования. Выводы его об отсутствии объективного критерия истины ведут к ее субъективному пониманию, а через это — к релятивизму и агностицизму, хотя об этом В. П. Лукьянин стыдливо умалчивает.

1. Лукьянин В. П. Что есть истина? // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2005. № 2.

2. См. Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Диалектика и теория познания. М., 1994.

3. См. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.

И. И. Образцова
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТРАКТОВКИ ЛИЧНОСТИ И ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Вопрос об универсальных этических категориях был сформулирован И. Кантом как принцип категорического императива внутри традиций христианской антропологии, этики и рациональной западной философии Нового времени. «Золотое правило нравственности» в истории культуры задолго до Канта было известно и на Западе и на Востоке. Таким образом, встает вопрос о соотношении универсальных этических категорий в разных национальностях, общностях и странах: чем отличаются восприятия нравственных «максим» народов Востока и Запада.

Влияние культурных традиций всегда было важным фактором в формировании не только отдельного индивида, но, прежде всего, в установлении и поддержании особого, специфического функционирования самого общества, отношений в этом обществе, общения. Но, несмотря на то, что ценность личности закреплена во Всеобщей декларации прав человека, в каждом обществе эта личность воспринимается неодинаково. Ценность человека выражается в социальных нормах и, что особенно важно, нравственных отношениях. Нарушение этического пространства — всегда почва для конфликтов.

Данная работа фокусируется на понимании соотношения трактовки личности и этических ценностей в Японии. Личность в Японии — это другая личность, а не отсутствие таковой, как иногда представляется западному сознанию. Такие этические категории